

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

«...И как горчит твоё вино»

Концерт Александра Дольского в Париже

7 июня в Париже, в Пушкинском центре, впервые выступает известный петербургский автор-исполнитель Александр Дольский. Наш петербургский корреспондент Ильмира Степанова встретила с ним накануне его отъезда.

— Александр Александрович, авторская песня, которой вы уже много лет служите, в советские времена была для людей как глоток свободы. Ее любили, пели. А сейчас вроде все изменилось, многое можно, а она как явление — уходит. Чем вы это объясняете?

— Это началось уже давно, где-то с начала 70-х. Но это конец не бардовской песни (никогда никакой смерти у нее не может быть, если ее традиции заложили такие люди, как Галич, Высоцкий), а — бардовской компании, которую после 1968 года активно разрушали партийные чиновники, кагэбешники, державшие нас под контролем.

И вот совместная наша дружба, общность исчезли. Сейчас публика собирается еще на некоторых авторов, но той радости, той особой атмосферы, которая была лет 25 назад, уже нет. У всех — семьи, заботы. Фестивалей не проводят, а если они и есть — некогда поехать...

Думаю, все-таки, что авторская песня сегодня просто видоизменяется. Правда, из-за отсутствия общности кто-то скатывается в поп-эстраду, но есть люди, которые все-таки продолжают традицию...

— А в чем их отличие от бардов вашего поколения?

— На наших знаменах было написано: «Честь и искренность». А на знаменах современных молодых авторов начертано слово «Успех». Тоже неплохо. Но это качественно разные вещи.

— Несколько лет назад, когда все виделось нам проще и яснее, вы сочиняли и исполняли песни на социально-политические темы в знаменитом тогда «Пятом колесе» Беллы Курковой... А сегодня, когда многие остановились в растерянности, о чем вам пишется?

— Может, и верно, что поэт должен жить в башне из слоновой кости. Но только не для России и не для этого времени. Тогда в подобных песнях была потребность. Необходимо было выкрикаться, выговориться. И каждая из них хотя бы на миллиметр приближала свободу слова. Потом я все это перестал писать: ожидания, надежды сменялись другими настроениями.

Но сейчас пора сказать о том, что у нас происходит. Что мы боролись за демократию, а получили хамство. В одной из моих последних песен «Разговор с императором и императрицей о любви» есть такая строфа:

Пииты, строчите для гимнов слова,
Оркестры, мычите мажоры.
Мсье император, Россия жива! —
Да здравствуют новые воры!

Вот к чему мы приходим. Фашизм, большевизм, коммунизм — лишь частные случаи такого глобального явления, как хамство. От одного вроде бы избавились, а оно не проходит...

Конечно, еще что-то напишется по этому поводу, но самое страшное заключается в том, что прежние мои социальные песни остаются актуальными до сего дня. Я же их просил: «Уходите, уходите!» — а они все остались. И те, которые были, и новые — ничуть не лучше.

— Я знаю, что у вас есть песня о Чечне (кстати, ведь об этом наши поэты практически не пишут). Но ни по радио, ни на телевидении вы ее почему-то не исполняете.

— Да, есть. Называется «Баллада о солдатской матери». Там такой незамысловатый сюжет: в Чечне погиб русский солдат. Его мать, узнав об этом, не могла даже плакать: «очи высушила смертная тоска».

И приехал к ней однажды генерал и медальку ей красивую привез. О войне чеченской рассказал, выпил горькой и расстроился до слез.

«Отомстили мы за сына твоего: сто чеченцев в свою землю полегли».

Мать солдата не сказала ничего, только слезы ее тихо потекли.

Александр Дольский.

Поднесла ему печальицы стакан.
«Видно, ты не поумнеешь, генерал.
Сотня женщин, и у каждой был
пацан.
Значит, двести ты, не сто поубивал.

Эту весть ты понапрасну мне привез,
А теперь езжай обратно поскорей».

Ей на сына не хватило горьких слез,
А хватило на чеченских матерей...

Пой, песню, пой. Пой, пока живой.
Если ты не сын начальнику, не брат,
За Россию, как герой, умрешь,
солдат!

...Меня сейчас довольно часто приглашают на телевидение, но эту песню спеть не удастся. Когда предлагаю, мне осторожно отвечают: «Знаете, понимаете, у нас сейчас сокращение штатов, могут уволить...»

— Когда вы впервые в жизни выехали за границу?

— Меня долго не выпускали. Поводом послужило знакомство и хорошие отношения с Галичем. Но главная причина, конечно, была в том, что авторская песня считалась запретной. Помню, пригласили в 1965 году в Югославию. Надо было пройти комиссию райкома. Меня туда вызвали и попросили рассказать свою комсомольскую биографию. Услышав ответ (а я никогда в комсомоле и не был), они просто ушам своим не поверили. А один так прямо и сказал: «Это — враг!»

Ни в какую Югославию я, конечно, не пошел. Впервые удалось выехать только в 1984 году: «Литературная газета» взяла с собой в Болгарию. А в 1989-м я выступал в Германии. Кстати сказать, чувствовал себя там необычайно раскованным, свободным.

— А как вы познакомились с Александром Галичем?

— В 1968-м, в новосибирском академгородке. А в последний раз видел его в Свердловске (Екатеринбурге), когда я там еще жил. Он приезжал на Новый год в 71-м — неделю мы провели вместе. Просил показать ему Ипатьевский дом, где расстреляли августейшую семью.

Позже, уже будучи в Москве, я ему позвонил и только по телефону узнал, что он уже на чемоданах сидит. Но я тогда еще мало что знал и понимал, очень сложный период был в жизни. А Галич оказал на меня огромное влияние.

— Говорят, с годами становятся мудрее. Вы согласны?

— Для ума достаточно быть ироничным. Для мудрости нужно быть добрым все-таки. Нужно уметь простить многим. Понять, что такое жизнь, что она непростая, и много в ней дурного, и возмущаешься этим, но надо принять все...

У меня есть такая песня: «Ах, жизнь моя, как ты мгновенна, и как горчит твоё вино! Так будь же все благословенно, что было в суете дано».

Беседу вела
ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА

Санкт-Петербург